

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.422-437><https://elibrary.ru/omjndm>

УДК / UDC 929:821.511.131

Оригинальная статья / Original article

Реконструкция генеалогии Кедр Митрея (Д. И. Корепанова) в свете проблемы родовой организации удмуртов

Н. В. Пислегин¹ ✉, Е. С. Чекмарева², В. С. Чураков¹¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Российская Федерация,
<https://ror.org/0266a1t84>² Независимый исследователь
г. Владикавказ, Российская Федерация
✉ peg@rambler.ru

Аннотация

Введение. Изучение родовой организации удмуртов остается одной из ключевых проблем этнографии и социальной истории финно-угорских народов. Несмотря на значительный корпус работ, посвященных данному вопросу, многие аспекты зарождения и развития родовой системы, исторического пути отдельных родов-выжы до сих пор не получили исчерпывающего освещения. Обращение к генеалогиям отдельных представителей народа позволяет закрывать обозначенные лакуны. В автобиографическом произведении одного из классиков удмуртской литературы Кедр Митрея (Д. И. Корепанова) «Дитя больного века» приведены ценные свидетельства о его родословной и родовой принадлежности. Цель исследования – реконструкция генеалогии Кедр Митрея в контексте родовой организации удмуртского народа.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе комплекса опубликованных и неопубликованных переписей населения XVII – начала XX вв., а также ряда статистических материалов второй половины XIX – конца XX вв. При помощи универсальных (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специальных исторических (историко-генетический, историко-сравнительный, хронологический) методов был проведен анализ вышеперечисленных документов, что позволило подтвердить принадлежность Д. И. Корепанова к роду Эгра, а его матери – к роду Уля. На основе генеалогического метода составлена родословная прозаика и проведен ее анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Имеющаяся источниковая база позволила установить предков Кедр Митрея по отцовской (Корепановы) и материнской (Тугбаевы) линиям до середины – второй половины XVI в. Подтверждена принадлежность литератора к роду-выжы Эгра: самый ранний из его выявленных мужских предков был основателем Игры – одного из первых поселений рода. Оно стало исходным для других населенных пунктов эгринцев в Центральной Удмуртии, связано с эгринскими деревнями Южной Удмуртии и частью закамских удмуртов. В рамках выполненного анализа обоснована связь матери Кедр Митрея и ее предков по мужской линии с родом-выжы Уля. Во второй половине XVI – первой четверти XVII вв. они проживали в д. Очиной Лужановского стана Вятской земли (совр. д. Подгорное Слободского района Кировской области), в XIX в. оказались на территории Центральной Удмуртии.

Заключение. Авторы впервые на основе исторических источников составили подробное генеалогическое древо классика удмуртской литературы Д. И. Корепанова (Кедр Митрея). С большой долей вероятности самые ранние выявленные предки Кедр Митрея находились у истоков образования удмуртских родов-выжы Эгра и Уля. Проведенное исследование подтвердило сведения Д. И. Корепанова о патрилинейном характере названных удмуртских родовых объединений. Это служит дополнительным аргументом против воршудно-родовой теории, сторонники которой рассматривают удмуртские роды с позиции их изначальной «матриархальности».

© Пислегин Н. В., Чекмарева Е. С., Чураков В. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Кедра Митрей, Дитя больного века, переписи, метрические книги, род Эгра, род Уля, удмуртская родовая система

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пислегин Н.В., Чекмарева Е.С., Чураков В.С. Реконструкция генеалогии Кедра Митрея (Д. И. Корепанова) в свете проблемы родовой организации удмуртов. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):422–437. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.422-437>

Reconstructing the Genealogy of Kedra Mitrei (D. I. Korepanov) in the Context of Udmurt Clan Organisation

N. V. Pislegin^a ✉, E. S. Chekmareva^b, V. S. Churakov^a

^a Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS, Izhevsk, Russian Federation, <https://ror.org/0266a1t84>

^b Independent Researcher, Vladikavkaz, Russian Federation
✉ cpeg@rambler.ru

Abstract

Introduction. The study of the clan organisation of the Udmurts remains one of the key issues in the ethnography and social history of the Finno-Ugric peoples. Despite the substantial body of research devoted to this subject, many aspects of the origins and development of the clan system, as well as the historical trajectories of individual vyzhy clans, have yet to receive comprehensive treatment. Examining the genealogies of individual members of the Udmurt people makes it possible to address some of these gaps. The autobiographical work *A Child of a Sick Age* by one of the classics of Udmurt literature, Kedra Mitrei (D. I. Korepanov), contains valuable evidence concerning his ancestry and clan affiliation. The aim of this study is to reconstruct Kedra Mitrei's genealogy within the context of the clan organisation of the Udmurt people.

Materials and Methods. The article is based on a corpus of published and unpublished population censuses dating from the 17th to the early 20th century, as well as a range of statistical materials from the second half of the 19th to the late 20th century. The above-mentioned documents were analysed using both general methods, including induction, deduction, analysis, and synthesis, and specialised historical methods, namely the historical-genetic, historical-comparative, and chronological approaches. This analysis made it possible to confirm that D. I. Korepanov belonged to the Egra clan, while his mother belonged to the Ulya clan. Using the genealogical method, the prose writer's family tree was compiled and subsequently analysed.

Results and Discussion. The available source base made it possible to trace Kedra Mitrei's ancestors through both the paternal line, the Korepanovs, and the maternal line, the Tugbaevs, back to the mid- and second half of the 16th century. The writer's affiliation with the Egra clan-vyzhy has been confirmed: the earliest identified male ancestor was the founder of Igra, one of the clan's first settlements. This settlement later became the point of origin for other Egra communities in Central Udmurtia and was connected with Egra villages in Southern Udmurtia, as well as with some of the Udmurts living beyond the Kama River. The analysis also substantiated the connection of Kedra Mitrei's mother and her male-line ancestors with the Ulya clan-vyzhy. From the second half of the 16th century to the first quarter of the 17th century, they lived in the village of Ochina in the Luzhanovsky District of the Vyatka Land, now the village of Podgornoye in the Slobodskoy District of Kirov Region. By the 19th century, they had moved to the territory of Central Udmurtia.

Conclusion. For the first time, the authors have compiled a detailed genealogical tree of D. I. Korepanov (Kedro Mitrei), a classic figure of Udmurt literature, on the basis of historical sources. It is highly probable that the earliest identified ancestors of Kedro Mitrei were among the founders of the Udmurt clans-vyzh Egra and Ulya. The study confirmed D. I. Korepanov's statements concerning the patrilineal character of these Udmurt kinship associations. This provides an additional argument against the vorshud-clan theory, whose proponents interpret Udmurt clans as having been originally "matriarchal".

Keywords: Kedra Mitrei, The Child of the Sick Age, population censuses, metric books, the clan Egra, the clan Ul'a, the Udmurt clan system

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Pislegin N.V., Chekmareva E.S., Churakov V.S. Reconstructing the Genealogy of Kedra Mitrei (D. I. Korepanov) in the Context of Udmurt Clan Organisation. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):422–437. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.422-437>

Введение

Проблема построения научной картины зарождения и развития родовой организации удмуртов находится в ряду важнейших вопросов истории и этнографии финно-угорских народов. Начиная с XVIII в. ей уделялось значительное внимание и, вместе с тем, нам все еще не известны многие принципы функционирования как удмуртской родовой системы в целом, так и, в особенности, отдельных родов-выжы. Обращение к документально подтвержденным генеалогиям людей, родовая принадлежность которых известна, позволяет решать данную научную проблему. Ко всему прочему, исследование жизни и творчества, изучение происхождения выдающихся деятелей, является одним из важных направлений гуманитарных наук. В том числе на примере их генеалогий также можно ставить и решать многие вопросы этнической и этно-социальной истории, включая процессы расселения, направления миграций представителей отдельных родов-выжы.

Ярким представителем удмуртского народа является один из основоположников профессиональной национальной литературы Дмитрий Иванович Корепанов, или *Кедра Митрей* (1892–1949). Он родился 16 (28 по н. ст.) сентября 1892 г. в с. Игра Игринской волости Глазовского уезда Вятской губернии в семье крестьянина-середняка, запасного солдата, ямщика Ивана Александровича Корепанова и его жены Анны Кондратьевны. После окончания в родном селе церковно-приходской школы и двухклассного земского училища в с. Зура будущий писатель, поэт, педагог и общественный деятель в 1907–1911 гг. обучался в Казанской инородческой учительской семинарии. К 1910–1911 гг. относится его первое крупное сочинение, написанное на русском языке. При жизни автора оно так и не было опубликовано, знаем мы его под названием «Дитя больного века»¹.

В своем произведении, носящем автобиографический характер, Дмитрий Иванович сообщает следующие сведения о своем происхождении: «По рассказам стариков, на месте нашего села раньше никакого поселка не было. Село Игра появилось, когда переселились сюда, на Сибирский тракт, с проведением его здесь, из Кузейлуда (В действительности Кузейлудом (данное название упоминается только Кедра Митреем), очевидно, по-удмуртски назывался недолго просуществовавший выселок Шубинский, о котором будет сказано ниже. – *Авт.*), находящегося в версте от тракта, а от нынешнего села в двух верстах... К роду Эгра принадлежала в Кузейлуде семья Мадэя, а Мадэй является моим прапрадедом. Называли его все Мадзем, хотя и дано было ему христианское имя Семен... У Семена было два сына: Буянь Савка и Кедра Егор. Буянь умер, не оставив наследников, а у Егора было четыре сына: Гавриил, Александр, Трофим и Акмади-Андрей... Александр имел троих сыновей: Ефима, Андрея и моего отца Ивана...»². Особую ценность этой информации придает то, что Кедра Митрей не только описал четыре поколения предков, но и указал на их принадлежность к роду Эгра (удм. *Эгра выжы*). Кроме того, он отметил и род своей матери – Уля (удм. *Уля выжы*). Учитывая эти данные, авторы настоящей публикации поставили перед собой цель максимально глубоко, на основе архивных и опубликованных документов, исследовать родословную писателя и поэта в контексте родовой организации удмуртского народа.

Обзор литературы

В изучении жизни и творчества выдающихся деятелей удмуртской культуры можно выделить два направления. Представители первого в ходе преимущественно литературоведческих изысканий обращаются к вопросам происхождения деятелей удмуртской культуры, таких как И. С. Михеев [1], М. П. Прокопьев [2], К. П. Чайников (Кузубай Герд) [3],

¹ Кедра Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести. В: Избранное. Ижевск: Удмуртия; 1965. С. 140–200.

² Кедра Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести. С. 141.

А. Г. Векшина (Ашальчи Оки) [4], М. П. Петров [5] и др. Вторые, изучая удмуртскую родовую структуру, занимались выявлением их родовой принадлежности³. На наш взгляд, на примере биографии и творчества Кедр Митрей существует прекрасная возможность для соединения данных исследовательских подходов. К тому же именно ему принадлежат наиболее важные замечания о родовой принадлежности жителей ряда населенных пунктов Удмуртии, собранные в ходе лингвистической экспедиции 1929 г.⁴

Научное внимание к удмуртской родовой организации впервые было проявлено со стороны исследователей XVIII – первой половины XIX вв. (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, Т. Кёнигсфельд, И. П. Фальк, Н. П. Рычков, И. Ф. Эрдман и др.). Ими были отмечены многие явления, присущие родовой системе народа: слово для обозначения рода (удм. *выжы*), отражение родовых имен в названиях селений, религиозные культы, семейно-родовые знаки собственности – тамги (удм. *нус*). В середине XIX – первые десятилетия XX вв. изучение различных аспектов проблемы продолжилось, кроме того, она была осмыслена, наметились два основных направления в ее интерпретации. Первые (Н. Г. Первухин, И. Н. Смирнов, М. Г. Худяков, У. Хямляйнен) рассматривали удмуртские роды как наследие эпохи матриархата и тотемистических верований, другие (П. М. Богаевский, П. М. Сорокин, У. Хольмберг) – как патрилинейные генеалогические объединения [6]. Во второй половине XX в. в рамках работ выдающихся удмуртских ученых В. Е. Владыкина и М. Г. Атаманова оформилась и утвердилась воршудно-родовая теория. Она развивала положения представителей первого направления. Так, при обозначении духа-покровителя рода (удм. *воршуд*) В. Е. Владыкин назвал его оформившимся в эпоху «материнско-родовой организации» сложным историческим образованием, несущим воззрения различных эпох, включая «элементы тотемизма»⁵. М. Г. Атаманов пошел дальше: по его представлениям, удмуртские роды – это социальные организмы, зародившиеся в эпоху «матриархата», названия которых происходят от предполагаемых тотемов рода⁶. С критикой подобного подхода выступил венгерский исследователь И. Козмач, высказавшийся против применения матриархальной концепции в исследовании удмуртской родовой организации⁷. Наконец, в начале XXI в. один из авторов настоящей публикации также подверг критике основные положения воршудно-родовой теории, взамен предложив концепцию патрилинейных родов-выжы, названия которых были связаны с именами или прозвищами их основателей [7]. Дискуссия продолжается и в наши дни. Представители первого направления повторяют ранее высказанные положения, на основе которых периодически предлагают спорные суждения, например, о связи ананьинцев из района современной Елабуги, якобы принадлежавших к «древней» удмуртской воршудно-родовой группе Тойма, с населением бассейна Северной Двины (тоймичи древнерусских письменных памятников) [8–10]. Вместе с тем в рамках второго направления наметились новые подходы к реконструкции прошлого. Именно таким является применение генеалогического метода в решении проблем удмуртской родовой организации [11]. Настоящая публикация продолжает данную тенденцию.

Как уже было отмечено, начальные сведения о происхождении по отцовской и материнской линиям изложены самим Д. И. Корепановым в рамках его автобиографического произведения. Впервые оно увидело свет в 1965 г.⁸ В дальнейшем, уже на

³ Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия; 2001. 213 с.

⁴ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 57. Л. 124, 153, 163, 164, 169, 171, 173, 178, 185, 211, 215, 219.

⁵ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия; 1994. С. 289–290.

⁶ Атаманов М.Г. Микроэтнонимы удмуртов. В: Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии: сб. ст. Ижевск: НИИ при СМ УАССР; 1980. С. 3–66.

⁷ Kozmács I. Nemzetségi tulajdonjелеk az udmurtoknál (bevezető egy régi kéziratához). A: Acta universitatis szegediensis de Attila József nominatae. Sectio ethnographica et linguistica. 1999–2000. T. 40. Szeged; 2000. Ol. 183–186, 194.

⁸ Кедр Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести.

современном этапе, «Дитя больного века» переиздавалось еще дважды, в 1993–1994 и 2005 гг., на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Инвожо»⁹. В интересующем нас контексте эти издания идентичны: по отцовской линии предки прослеживаются вплоть до прапрадеда, Семена-Мадэя, указывается их родовая принадлежность (Эгра), по материнской – называются мать писателя, ее отец и племянник, отмечена принадлежность к роду Уля.

Первые публикации о жизни и творчестве удмуртского прозаика появились еще в конце 1920-х гг.¹⁰ В силу того, что Д. И. Корепанов в 1938 г. был репрессирован, взлет интереса к его деятельности и биографии произошел в 1960-е гг.¹¹ В дальнейшем исследователи-литературоведы достаточно часто обращались в том числе и к происхождению Кедр Митрея¹² [12; 13], однако они, по сути, лишь повторяли изложенное им самим. Таким образом, до настоящего времени не существует реконструкции его родословной на базе доступных документальных источников XVII – начала XX вв. с опорой на автобиографическую прозу. Ко всему прочему, явные указания Д. И. Корепанова на собственную принадлежность к роду Эгра, а его матери – к роду Уля, до недавнего времени были обделены вниманием исследователей удмуртской родовой организации (отдельные предварительные суждения были высказаны в нашей монографии [6]). Авторы данной публикации впервые не просто воссоздают его родословную на максимально возможную с учетом имеющихся данных историческую глубину, но и обосновывают родовую принадлежность писателя.

Материалы и методы

Основной источниковой базой исследования стал комплекс переписей населения (дозоров, писцовых описаний и подворных переписей XVII – начала XVIII вв., ревизских сказок XVIII – середины XIX вв., метрических книг и исповедных росписей конца XVIII – начала XX вв.), которые отложились в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) и Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). Целый ряд ранних материалов систематизирован и опубликован в научных изданиях, подготовленных в том числе и авторами статьи. Кроме того, в работе использованы списки населенных мест и статистические данные (в первую очередь, подворные описи) второй половины XIX в., изданные по результатам кропотливой деятельности дореволюционных статистиков в Глазовском и Сарапульском уездах Вятской губернии, а также справочник-указатель православных храмов Удмуртии, разработанный и изданный архивной службой республики в наши дни. Авторы обратили внимание на материалы лингвистической экспедиции 1929 г., в которой принимал участие Д. И. Корепанов. В данное время они хранятся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

В исследовании применены как универсальные (индукция, дедукция, анализ, синтез и др.), так и специальные исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, хронологический) методы. В качестве основного выбран генеалогический метод, позволивший составить родословную Д. И. Корепанова (Кедр Митрея) и провести

⁹ Кедр Митрей. Дитя больного века. *Инвожо*. 1993;(10):8–18, 1993;(11):15–22, 1993;(12):13–22, 1994;(1):9–15, 1994;(2):10–19, 1994;(3):11–23, 33–35; Кедр Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть. *Инвожо*. 2005;(9):127–160, 2005;(10):168–192.

¹⁰ Шигарев В.А. Кедр Митрейлэн творчествоз. *Кенеш*. 1930;(11):25–30, 1930;(12):36–41.

¹¹ Богомолова З.А. Творчество Кедр Митрея. Ижевск: Удмуртия; 1967. 116 с.; Кедр Митрейлэн улэмез но творчествоз. Ижевск: Удмуртия; 1968. 43 с.

¹² Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея: воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. Ижевск: Удмуртия; 2003. 351 с.

ее анализ. Первичная генеалогическая схема была выстроена на основе сведений из упомянутой выше автобиографической повести. В дальнейшем осуществлялась ее проверка, проводилось углубление по данным метрических книг и исповедных росписей (конец XVIII – начало XX вв.), ревизских сказок (1722–1858 гг.), доступных переписей XVII – начала XVIII вв. Каждое поколенное звено верифицировалось по совокупности сведений одновременных и разновременных архивных документов. Для отождествления предков писателя, например, для отделения их от людей со схожими именами, рассматривались все жители того или иного связанного с ними в тот или иной период населенного пункта, выделялись субъекты необходимого возраста, записанные в окружении других членов семьи. Для наглядности родословная будет представлена ниже в виде генеалогического древа.

Использование дополнительных методов дало возможность подтвердить принадлежность удмуртского прозаика к роду Эгра, его матери – к роду Уля, а также проследить исторический путь его предков в контексте развития поселенческой сети данных родов. Так, историко-генетический метод способствовал выявлению родственных связей между жителями ряда населенных пунктов «по вертикали» вглубь времени на основе письменных источников. Применение историко-сравнительного метода позволило исключить тех людей, которые в течение рассматриваемого хронологического промежутка получали такие же прозвища или фамилии, как и предки Кедр Митрея. Кроме того, сравнивались составы семей и списки селений, связанных с происхождением литератора, в переписях разных лет в различных малых административно-территориальных единицах. Посредством хронологического метода выстроена временная последовательность бытования тех или иных переписей населения, существования поселений, в которых проживали его предки.

Выбранный комплекс универсальных и специальных методов позволил подтвердить, уточнить и значительно углубить сведения Д. И. Корепанова о его предках и населенных пунктах, в которых они проживали, собственной принадлежности к роду Эгра, а также принадлежности его матери к роду Уля. Генеалогический метод, как основной, дал возможность воссоздать его родословную по отцовской и материнской линиям до середины – второй половины XVI в., а совокупность других методов – согласовать ее с конкретными удмуртскими родами и связанными с ними селениями (в частности, выявить бытовавшее наименование деревни, в которой проживали предки матери по отцовской линии, – Уля Полом).

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к реконструкции родословной, необходимо обратиться к краткому описанию истории с. Игра, с которым связаны детство и юность Д. И. Корепанова. Впервые д. На реке на Лозе (это первоначальное наименование Игры) упоминается в дозоре 1615 г. Основана она была, вероятно, во второй половине – в конце XVI в. неким Ветысем (варианты: Ветис, Ветиш, Витиш) с сыновьями либо внуками (в ранних писцовых описаниях вместо отчества зачастую указывалось дедичество) Дюей (Зюей или Дзюей), Шудегом, Ужегом (Южегом), Пыжей, Юберем, Гоженем (Гойжей) и Баженом¹³. Первопоселенцы принадлежали к роду Эгра, что нашло отражение в вариантах названия этого населенного пункта (Большая Игра, Игринская, удм. *Эгра*). Согласно преданию, их предки первоначально жили «под Вяткой», в дальнейшем – «в Карино», историческом районе раннего проживания татар, удмуртов

¹³ Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1 [Электронный ресурс]. Автор-сост. В. С. Чураков. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-R); Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2 [Электронный ресурс]. Автор-сост. В. С. Чураков. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R).

и бесермян в Вятской земле, на территории совр. Слободского района Кировской области. Отсюда эгринцы перебрались «в Саяя». Возможно, первоначально последнее было указанием на реку: обе деревни – Саяя (устар. Ближняя Саяя, удм. *Саяя*) совр. Игринского района и Большая Игра (устар. Дальняя Саяя, Старая Игра, удм. *Эгра, Саяя*) Красногорского – появились примерно во второй четверти XVIII в. [6]. На это хронологическое несоответствие обращал внимание и записавший предание П. М. Сорокин. Конечным пунктом легендарной миграции стала собственно Игра [14]. Игринский приход был открыт в 1861 г.¹⁴ В наши дни как само с. Игра, так и некоторые образовавшиеся из данного населенного пункта выселки являются частью пос. Игра.

Отец Д. И. Корепанова, Кедр Иван, появился на свет в 1860 г. в Игре в семье Александра Егоровича. Последний родился около 1822 г. в поч. Шубинском (удм. *Кузейлуд*) у Егора Семеновича Корепанова. Указанный починок существовал недолго: официально выделившись в 1811 г. из д. Камешницкой (в наши дни это часть пос. Игра), он исчез в 1828 г. – его жители выселились в Игру. Е. С. Корепанов, Кедр Егор, был рожден в Камешнице около 1796 г. Наконец, прапрадед Кедр Митрея, Семен Филимонович Корепанов (тот самый Мадэя) также первоначально жил в Камешнице со своего рождения примерно в 1776 г. При этом по какой-то причине исповедная роспись Сретенской церкви с. Чутыря его семье «присвоила» фамилию Поздеев¹⁵.

Отец Семена-Мадэя, не известный Кедр Митрея, уже был крещен. Звали его Филимоном, родился он примерно в 1736 г. в основанной из Игры между 1722 и 1730 гг. Камешнице. Его отец, 47-летний (для ранних переписей характерны несоответствия между собой в указании возраста; здесь и далее возраст нами указывается по источнику) Моисей Афанасьев, официально числился во дворе (16 муж., 17 жен.) умершего в 1753 г. старшего брата, Антона Васильева Корепанова. Филимон в 1763 г. был женат и имел двух малолетних сыновей и дочь (братьев и сестру пока еще не рожденного Семена-Мадэя)¹⁶.

Сказка II ревизии (1747 г.) приводит как прежние, дохристианские, имена, так и полученные после крещения: Бачай (варианты написания – Бача или Бачаш) Чюрин Чюзин, 44 лет, как раз становится Антоном Васильевым Корепановым; его 31-летнего брата, предка Кедр Митрея, зовут Мустафам. Филимону в 1747 г. 11 лет¹⁷. По I ревизии (1722 г.) эта семья проживала в д. Игринской, в ее составе указаны 70-летний Чюра Максимов Чюзин с сыновьями, 20-летним Бачаем и 7-летним Мустафой, и двумя братьями. У одного из последних, а также у Бачая, было по сыну¹⁸. В ландратской переписи 1717 г. отмечен только дворохозяин Чюра 58 лет. Указанный возраст, по всей видимости, более точен, так как по подворной переписи 1710 г. этому предку Кедр Митрея 50 лет. Чюра здесь записан вместе с сыном Бачаем во дворе отца, Максима Чюзина Шудегова 90 лет. В том же дворе отмечены и братья Чюры – 25-летний Дементий и 20-летний Иван. В подворной переписи 1678 г. в д. Игра над Лозою рекою Максим Чюзин Шудегов проживал совместно с 15-летним Матюшей и 10-летним Чюпой. Данного Чюпу либо следует отождествлять с Чюрой, либо Чюра, являясь старшим сыном Максима (примерно 19 лет), по какой-то причине не был учтен писцами в 1678 г. В переписи 1646 г. его отец Максим («1 лета») жил со

¹⁴ Православные храмы Удмуртии: справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия; 2017. С. 155.

¹⁵ ЦГА УР. Ф. 280. Оп. 1. Д. 22. Л. 32об.–33; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1879. Л. 51об.; Ф. 56. Оп. 1. Д. 8. Л. 81об.–82; ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 91. Л. 887об.; Д. 126. Л. 52об.; Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН; 2020. С. 444, 513.

¹⁶ Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3207. Л. 1152об.–1153об.

¹⁷ Там же. Д. 3190. Л. 996.

¹⁸ Там же. Д. 3814. Л. 881об.; Пислегин Н.В., Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда по материалам I ревизии (1722 г.) [Электронный ресурс]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

своим отцом, Чюзей Шюдеговым Ветысевым. В писцовом описании 1629 г., учитывавшем преимущественно дворохозяев, в д. Большая Игра на реке на Лозе Чюзя не был указан и, вероятно, проживал во дворе родного брата, Побая Шудегова, или дяди, Бажена Ветисова. В дозоре 1615 г. предковым для Кедр Митрея является двор Коивы Шойдегова либо Пыбана Шойдегова (см. Побай Шудегов в переписи 1629 г.)¹⁹.

Случай Кедр Митрея дает нам очередное очевидное свидетельство патрилинейного характера удмуртской родовой системы, сложившейся в известном нам виде в период с конца I тыс. н.э. по XVII в. Наименования родовых подразделений удмуртов в это время, как правило, образовывались в соответствии с антропонимической моделью «имя / прозвище родоначальника + патронимический суф. -а» [6, с. 40, 61]. В конце XIX в. П. М. Сорокин высказал предположение, что название рода Эгра связано с прозвищем его основателя, возникшим на основе пермского этнонима, которым обозначалось обско-угорское население [15]. Исследователь воспользовался данными родственного удмуртскому коми-пермяцкого языка, в котором по отношению к манси использовался этноним *йӧгра*. Это слово в прошлом было известно и удмуртам²⁰. Примечательно, что и у русских Нижнего Прикамья и Вятской земли уже в самых ранних из дошедших до нас источниках неоднократно отмечается наследственное имя Югрин, связанное с названием исторической области Северного Урала – Югрой. Распространению этого прозвища способствовали как торговые контакты с ее жителями, так и военные столкновения конца XV – начала XVI вв., закончившиеся включением территории Югры в состав Русского государства. Известно и об участии удмуртов Каринского стана Вятской земли в походе великокняжеских войск на Югру в 1499 г.²¹ Учитывая данное обстоятельство, а также характер расселения членов рода Эгра (см. ниже) и выше указанное предание, записанное П. М. Сорокиным, можно заключить, что родоначальник этого генеалогического объединения или его ближайшие потомки в конце XV в. проживали в районе нижнего течения р. Чепцы. Сюда удмурты по разрешению русских великих князей стали переселяться из пределов Казанского ханства во второй половине XV в. [6].

На территории Каринского стана, первоначально охватывавшего низовья, а впоследствии весь бассейн р. Чепцы, в начале XVII в. существовали два населенных пункта представителей рода Эгра – Малая Игра (5 дворов в 1615 г., 4 – 1629 г.) и Большая Игра на реке Лозе (11 и 16 дворов соответственно). В переписи 1646 г. упоминается еще одна д. Малая Игра (4 двора), однако в дальнейшем ее жители переселились в Большую Игру. В 1662 г. крестьяне из упомянутой первой Малой Игры обнаруживаются в списке населения д. Малая Игра Порвы, которая соответствует нынешней д. Порве (удм. *Порву*) Якшур-Бодьинского района Удмуртии²².

В Каринском стане д. Большая Игра стала исходной для возникновения большого количества новых поселений. Между 1662–1678 гг. образовались починки Гиряев (совр. д. Гиреево, удм. *Гирейгурт*, Игринский район), Тухтаров и Шадбеков (позже они объединились, ныне это д. Старое Шадбегово, удм. *Ӝантӝ* или *Вуж Шадбег*, в Игринском районе). В конце XVII в. появляются починки Подле Лозу речку Силеш (Силевум), Подле речку Чюмашур (совр. д. Чимошур, удм. *Игра*, Игринский район), Подле Салю речку подле Красной ключ (позднее жители вновь значились в д. Игре).

¹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3191. Л. 1084; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 339. Л. 599об., 812–812об.; Д. 1034. Л. 603об.; Д. 519. Л. 549об.; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2.

²⁰ Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань: Казанская недвижимость; 2015. С. 212, 221, 229.

²¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука; 1966. С. 29.

²² Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2.

В промежутке между 1722 и 1747 гг. были основаны починки и деревни Баскеевский (ныне д. Бачкеево, удм. *Бачкей*, Игринский район), Камешнитская (д. Камешница, удм. *Извыл*), Лучик (д. Лучик, удм. *Лучык*, Игринский район), Ближняя Саля, Сулдурская (д. Сундур, удм. *Сундур*, Игринский район), Ушур (д. Ушур, удм. *Ушур*, Белезинский район Удмуртии), Дальняя Саля, Игринская (д. Малая Игра, удм. *Вильгурт*, Красногорский район)²³. Позже появились новые поселения эгринцев, возникшие в результате их дальнейшего расселения.

Одним из удаленных районов миграции для членов рода Эгра стал юг современной Удмуртской Республики, куда они стали переселяться не позднее первой половины XVII в. (под 1650 г. упоминается д. Игра, которую можно сопоставить с совр. Старой Игрой Граховского района)²⁴. В 1710 г. в Арской дороге Казанского уезда числились деревни Аксак-Игра (8 дворов, ныне д. Аксакшур Малопургинского района, удм. *Аксак* или *Аксакишур*), Игирчи-Игра (10 дворов, Алганча-Игра Малопургинского района, удм. *Эгра*), Старая Игра (28 дворов, д. Старая Игра, удм. *Вужгурт* или *Вуж Эгра*, Граховский район), Новая Игра (14 дворов, д. Байтуганово, удм. *Муркемыр*, Граховский район). К 1719 г. рядом с последними появляется д. Убаластамак по речке Юраш по обе стороны (13 ревизских душ, д. Мишкино, удм. *Вильгурт*, Граховский район), между 1762–1782 гг. возникает д. Верхняя Игра по речке Юграш (д. Верхняя Игра, удм. *Пуклэ*, Граховский район). На территории нынешнего Увинского района примерно в третьей четверти XVIII в. основывается д. Сямпог-Игра (Урдогурт, удм. *Урдо* или *Урдогурт*). Между 1782–1795 гг. по соседству с Алганча-Игрой фиксируется д. Якшур-Игра (после 1834 и до 1850 г. объединена с Алганча-Игрой)²⁵. Населенные пункты закамских удмуртов, в которых учеными было зафиксировано проживание представителей рода Эгра, благодаря лучшей сохранности источников, зачастую впервые отмечаются раньше селений бывшей Арской дороги, однако очевидно, что данные земли осваивались позднее как народом в целом, так и эгринцами в частности. Так, современные деревни Андреевка (устар. Нократова, удм. *Герей*) и Наняды (удм. *Няняды*) Янаульского района Башкирии впервые упоминаются под 1626 г.²⁶ Принадлежность части их жителей роду Эгра была указана, например, Р. Ш. Насибуллиным²⁷.

Помимо данных о родовой принадлежности своих прямых мужских предков, Д. И. Корепанов также привел очень важное свидетельство непосредственной связи отца его матери Анны Кондратьевны, в девичестве Тугбаевой, с родом Уля (название связано с удмуртским мужским дохристианским именем *Уля* ~ *Уляй* / *Улей*): «...из рода Уля семьи Кондрата»²⁸. Происходила она из д. Убытьдур (удм. *Ыбытьдур*, ныне Красногорский район Удмуртии). Благодаря указанному сообщению, нам не только удалось достоверно установить принадлежность части жителей данного населенного пункта к роду Уля, но и проследить переселения представителей одной из линий этого патрилинейного генеалогического образования удмуртов (рисунок).

В ходе изучения удмуртской родовой системы, еще до обращения к творческому и научному наследию Кедр Митрея, мы с осторожностью предполагали, что в родное для его матери селение, образованное между 1811–1816 гг. из деревень Большая и Малая Сыга (совр. Колевай Глазовского района, удм. *Кольывай*) и Убытская (Нижняя Убыть Глазовского района, удм. *Ыбытьдур*), могли в числе первых переселиться улинцы. Интересно, что третьей исходной деревней для Убытьдура является д. Дальняя

²³ Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья. С. 71–72, 159–160, 189–190.

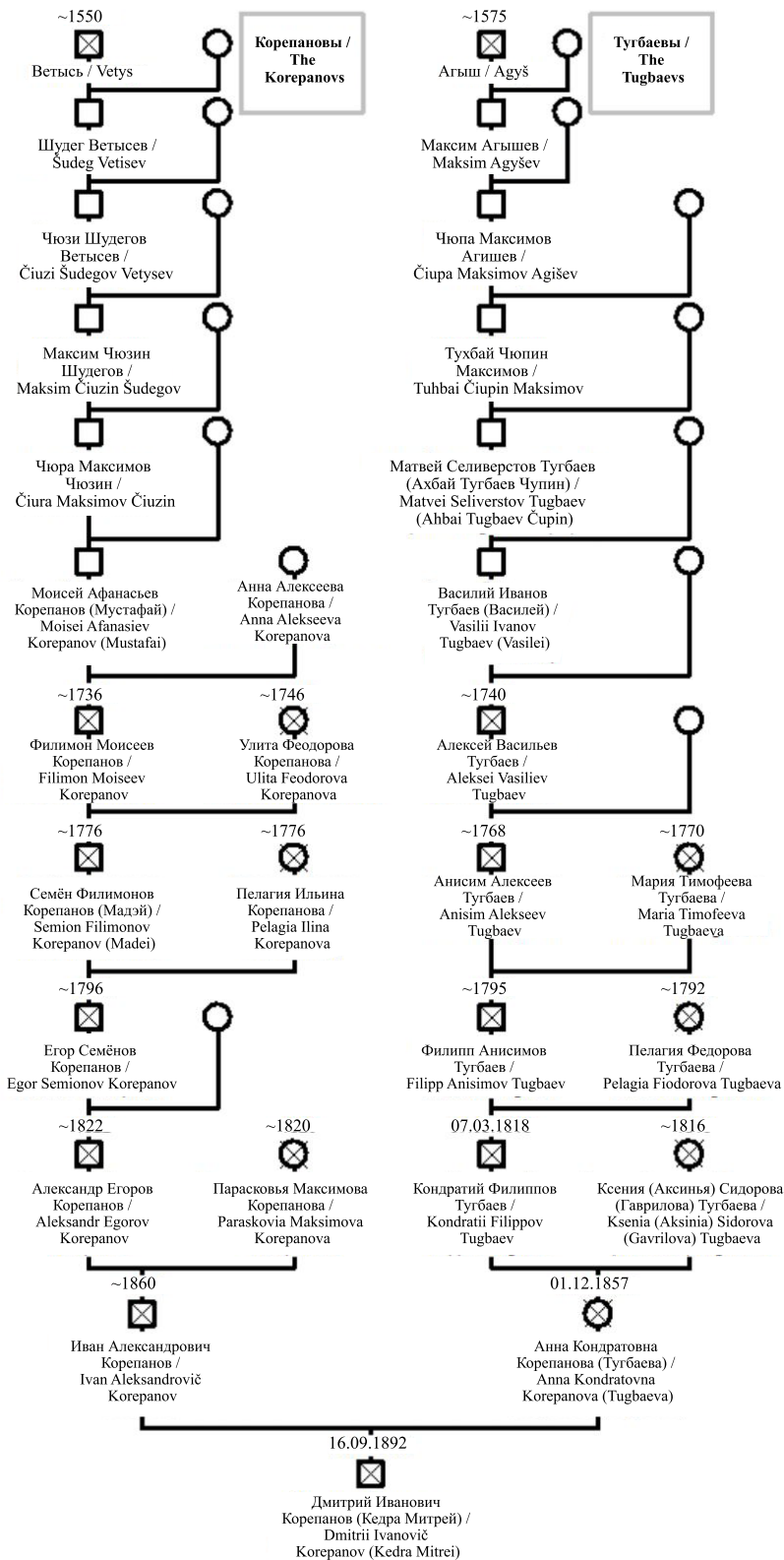
²⁴ Махмутова А.Х. Колыбель моя, Бизяки. Казань: Яз; 2017. 527 с.

²⁵ Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья. С. 87–88, 141, 255, 265, 346, 614.

²⁶ Давлетбаев Б.С. Тептяри и их землепользование. В: Малоизученные источники по истории Башкирии: сб. статей. Уфа: БФАН СССР; 1986. С. 78–158. С. 137.

²⁷ Насибуллин Р.Ш. Камсьёр удмуртьёс. *Инвожо*. 1997;(2):11–14.

²⁸ Кедр Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести. С. 141.

Р и с у н о к. Родовое древо Кедра Митрея
F i g u r e. Family tree of Kedra Mitrei

Источник: рисунок составлен авторами в программе GenoPro.

Source: the figure was created by the authors based on GenoPro software.

Сая²⁹, выходцы из которой, очевидно, принадлежали роду Эгра. Это не единственный случай совместного основания населенных пунктов эгринцами и улинцами: д. Идзи (удм. *Идзи*, Игринский район) основана в 1870 г. из Игры и Убытьдур³⁰. В частности, здесь проживал племянник Анны Кондратьевны, Иван Степанович Тугбаев³¹.

Известно, что А. К. Корепанова (Тугбаева) вышла замуж из поч. Идзи, но родилась она в поч. По речке Верхней Шуезе (Убытьдуре) 1 декабря 1857 г.³². Ее предки не были основателями Убытьдур: дед Кедр Митрея по матери, Кондратий Филиппович Тугбаев, родился 7 марта 1818 г. в д. Нижняя Убыть. Более того, из последнего населенного пункта его семья, которую возглавлял Филипп Анисимович Тугбаев (родился в 1795 г.), переезжала в д. Большая и Малая Сыга и только оттуда в 1827 г. переселилась в Убытьдур³³. Анисим Алексеевич Тугбаев появился на свет около 1768 г.³⁴, его отец, Алексей Васильевич, – 1740 г. Отец последнего, Василий Иванов (до крещения – Василий Ахбаев) родился в 1707 г., его отец, Матвей Селиверстов (Ахбай Тукбаев Чупин) по сказке 1747 г. все еще числился дворохозяином, ему было 69 лет (умер в 1752 г.). Записаны они были как проживавшие в поч. Кепыч³⁵.

Особо следует описать историю населенных пунктов, из которых в течение XVIII в. выросли современные деревни Верхняя и Нижняя Убыти Глазовского района. С ними напрямую связаны предки Кедр Митрея по материнской линии. Не позднее 1695 г. из деревень Богатырская (в наши дни Нижняя Богатырка, удм. *Утэм*), Красная Слудка (Нижняя Слудка, удм. *Улй Эбга* либо *Вуж Эбга*) и поч. Верхний Богатырский (исчез между 1701–1710 гг.) появился поч. Убытский. К 1710 г. он разделился на поч. Ахбаев у речки Убыти, Кыбыч и д. Убытскую. Первые два селения вскоре, к 1717–1722 гг., вновь соединились в одно, называемое первоначально Кепыч (Кебыч), а позже – Верхняя Убыть (удм. *Вылысь Ыбытьдур* или просто *Ыбытьдур*), а население Убытской в течение столетия постепенно сокращалось. Между 1762–1782 гг. из Кепыча выделился новый поч. Убытский. С большой долей вероятности можно утверждать, что в него в это время перешли и интересующие нас Тугбаевы (при этом часть из них еще между 1747–1762 гг. переселялась в Большую и Малую Сыгу). После 1795 г. к 1811 г. данное селение было официально соединено с Убытской собственнo в Нижнюю Убыть³⁶ [6].

В сказке I ревизии (1722 г.) поч. Кепыча возраст Ахбая Тукбаева Чюпина указан в 45 лет, а одного из его сыновей, предка Кедр Митрея по материнской линии, Василия, – 16. При этом, по данным ландратской переписи 1717 г., им было, соответственно, 40 и 8 лет³⁷. Их отец и дед Тухбай Чюпин Максимов впервые на страницы документов попадает в переписи 1710 г.: ему тогда было 60 лет, в это время у него якобы (данная перепись даже в сравнении с другими отличается неполными данными) имелись два сына и внук (не Василий), в том числе 25-летний Ахбай. В 1710 г. они жили в Кыбыче³⁸.

Как уже можно видеть, фамилия Тугбаев (или Тукбаев) в данном случае оформилась в течение середины – второй половины XVIII в. Она находится в ряду тех фамилий северных удмуртов и бесермян, которые не были заменены на прозвания

²⁹ Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья. С. 433.

³⁰ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VII. Сарапульский уезд. Ч. II. Подворная опись. Вятка: Тип. Майшеева; 1892. С. 147.

³¹ Кедр Митрей. Дитя большого века: отрывки из повести. С. 140–141.

³² ЦГА УР. Ф. 280. Оп. 1. Д. 15. Л. 58об.–59; Ф. 134. Оп. 1. Д. 2324. Л. 451об.–452.

³³ Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1896. Л. 4об.; ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 97. Л. 420об.–421.

³⁴ Там же. Ф. 237. Оп. 71. Д. 696. Л. 53.

³⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 484об.–485; Д. 3198. Л. 473.

³⁶ Пислегин Н.В., Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда по материалам I ревизии (1722 г.); Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1.

³⁷ Пислегин Н.В., Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда по материалам I ревизии (1722 г.); Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1.

³⁸ Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2; РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 72. Л. 450об.

русского происхождения (как правило, принятые от восприемников) в ходе массового крещения. Первоначальное прозвище возникло от имени Тугбая (Тухбая) Чупина Максимова.

Указанный Тугбай по подворной переписи 1678 г. проживал во дворе своего брата Кары. Интересно, что среди двух его сыновей отмечен и 5-летний Агбай (таким образом, в действительности он родился около 1673 г. и был старше того возраста, который указывался в переписях XVIII в.). Кара Чюпин Максимов с тремя братьями, включая Тухбая, в 1662 г., отделившись от отца, переселились в Красную Слудку³⁹. В 1646 г. в единственном дворе д. Полом над Чепцою проживал Чюпа Максимов Агишев. Родился он не позднее 1625 г. Его родные братья, указанные как Агарышевы, будучи главами двух дворов, в это же время жили в поч. Полом подле Богатырки (первоначальный вариант названия – Новый Полом вверх Богатырки, в конце XVII – начале XVIII вв. он был известен как д. Уля Полом, ныне это д. Сороково Глазовского района, удм. *Утэмйыл*). Последний был основан удмуртскими крестьянами из д. Очины Лужановского стана Слободского уезда (совр. д. Подгорное Белохолуницкого района Кировской области) между 1623–1629 гг. По переписи 1629 г. в Новом Поломе вверх Богатырки были указаны Максим Агышев (родился не позднее 1600 г.) с одним из старших сыновей. В 1615 г. он, как и еще два его брата (у них указано отчество либо дедичество Агишев), проживали в Оचीной⁴⁰.

Некоторые сородичи предков матери Кедр Митрея до 1710 г. с устья Убыти (удм. *Ыбытьвож*) ушли еще дальше, в д. Бектемир-Пурга. В конце XIX в. их потомки были отмечены Г. Е. Верещагиным и П. М. Сорокиным в бектемир-пургинском выселке – Ляльшуре (удм. *Ляльшур*, совр. Шарканский район)⁴¹ [14]. Примечательна и полученная ими фамилия – *Ульянов*. Ее первым известным упоминанием является запись за январь 1915 г. в метрической книге Николаевской церкви Ляльшура⁴² (существовала в 1900–1940 гг.⁴³). Необходимо также отметить, что не все удмурты Тугбаевы принадлежали роду Уля и происходили от указанного Тугбая Чупина Максимова, даже если их корни географически находились в непосредственной близости. Так, предки носителей данной фамилии, связанные с д. Штанигурт Глазовского района и г. Глазовом, до массового крещения во второй четверти XVIII в. являлись Покчановыми⁴⁴.

Заключение

В одной из последних работ мы, на тот момент не имея возможности проверить сведения, представленные самим Д. И. Корепановым, допустили неточность, отождествив с Семеном-Мадэем Семена Даниловича Корепанова, единственного, носившего такое имя в д. Игра по данным III ревизии и родившегося около 1754 г. (т. е. старше реального Семена-Мадэя – Семена Филимоновича Корепанова – на 22 года). Отсюда представленная ранее линия «*Кедра Митрей < Иван < Александр < Егор < Семен (Мадэй) < Данило (Асыл) < Ирыс < Чюраш < Чюваш < Дзюй < Ветииш*» [6, с. 355] ошибочна.

³⁹ Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Д. 54. Л. 226об.

⁴⁰ Удмурты в XV–XVII веках. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Сост. П. Н. Луппов. Ижевск: Удмурт. книж. изд-во; 1958. С. 192; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3198. Л. 449.

⁴¹ Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова; 1889. С. 82.

⁴² ЦГА УР. Ф. 351. Оп. 1. Д. 60. Л. 131об.–132.

⁴³ Православные храмы Удмуртии. С. 228.

⁴⁴ Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 1; Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 490.

С. Д. Корепанов середины XVIII в. действительно имел указанных предков вплоть до Ветися и отсюда принадлежал к роду Эгра. Однако ветвь, в основании которой он находился, по всей видимости, уже к началу XIX в. в Игре редуцировалась, т. е. в ней не осталось мужских потомков или они из населенного пункта выехали, например, в Ближнюю Салю, куда уже переселялись между II и III ревизиями⁴⁵. Нисходящая мужская родословная Кедра Митрея в действительности выглядит следующим образом: *Ветись > Шудег > Чюзя > Максим > Чюра > Моисей Афанасьев (Мустафай) > Филимон > Семен (Мадэй) > Егор > Александр > Иван > Кедра Митрей*. Корни писателя можно проследить до середины – второй половины XVI в. С этого времени и до начала XX в. его предки по мужской линии проживали в Игре, далее – в Камешнице, Шубинском и, наконец, опять вернулись в Игру. Наиболее ранний выявленный пращур Д. И. Корепанова являлся одним из первых жителей или даже был основателем старейшего и крупнейшего селения представителей рода-выжы Эгра.

Предков Кедра Митрея по материнской линии можно проследить вглубь до второй половины XVI в.: *Агиш (Агыш) > Максим > Чюпа > Тугбай > Ахбай (Матвей Селиверстов Тугбаев) > Василий (Василий Иванов Тугбаев) > Алексей > Анисим > Филипп > Кондратий > Анна Кондратьевна Корепанова (в девичестве Тугбаева)*. При этом перечень выявленных поселений, в которых с XVI по XIX в. проживали материнские предки выдающегося удмуртского литератора, значительно шире: Очина (совр. Подгорное) > Полом подле Богатырки (Уля Полом, совр. Сороково) > Полом над Чепцою (деревня могла как существовать самостоятельно, так и де-факто являться частью другого селения) > Красная Слудка (совр. Нижняя Слудка) > Убытский > Кыбыч > Кепыч (совр. Верхняя Убыть) > Убытский (часть совр. Нижней Убыти) > Нижняя Убыть > Большая и Малая Сыга (совр. Колевай) > По речке Верхняя Шуез (совр. Убытьдур) > Идзи. Таким образом, наиболее ранние указанные пращуры могли быть у истоков возникновения в Лужановском стане Вятской земли (левобережье бассейна р. Белая Холуница), на крайнем северо-западе удмуртской ойкумены XVI в., рода-выжы Уля. Отсюда их потомки в течение XVII в. переселились на правобережье среднего течения р. Чепцы, в XVIII в. перешли на левобережье, в низовья р. Убыти, в XIX в. – в район Центральной Удмуртии (совр. Красногорский и Игринский районы).

Таким образом, авторам статьи удалось впервые на основе исторических источников XVII – начала XX в. изучить родословную удмуртского писателя, поэта, общественного деятеля, педагога и ученого Кедра Митрея (Д. И. Корепанова) в контексте родовой организации удмуртского народа. Находясь в ряду тех авторов, которые мало известны как исследователи удмуртской родовой системы, он предоставил ценные свидетельства, вносящие дополнительный вклад в опровержение так называемой воршудно-родовой теории и подтверждающие патрилинейный характер удмуртских родов-выжы. С учетом этого принципиального положения открываются широкие перспективы исследования удмуртской родовой организации на основе изучения документально подтвержденной генеалогии известных представителей того или иного удмуртского рода-выжы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камитова А.В., Волкова Т.Г. Художественные опыты И. С. Михеева в просветительской практике. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2015;9(1):56–67. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2985> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Камитова А.В. Максим Прокопьевич Прокопьев: жизнь и творчество. *Историко-культурное наследие*. 2024;14(1):107–111. <https://doi.org/10.62669/30342139.2024.1.9>

⁴⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3207. Л. 1142об.

3. Васильев И.Е., Камитова А.В. На перекрестке традиций (Кузубай Герд и русская поэзия). *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2016;18(1):61–76. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.1.005>
4. Васильев И.Е. Лирика Ашалчи Оки в контексте женской поэзии 1910–1920-х гг. *Уральский исторический вестник*. 2012;(1):109–117. <https://elibrary.ru/oppokb>
5. Зайцева Т.И., Петрова Е.Н. Военная очеркистика удмуртского писателя М. П. Петрова. *Вестник угроведения*. 2019;9(4):623–632. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-623-632>
6. Пислегин Н.В., Чураков В.С. Родовая система удмуртов: моногр. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН; 2024. 424 с. <https://elibrary.ru/sngluw>
7. Чураков В.С. К критике воршудной теории. *Финно-угроведение*. 2003;(2):3–18. <https://elibrary.ru/ugrnif>
8. Атаманов М.Г. Еще раз о происхождении удмуртского воршуда. *Linguistica Uralica*. 2006;42(2):103–111. <https://doi.org/10.3176/lu.2006.2.03>
9. Атаманов М.Г. Елабужское городище и миграция ананьинского населения на Русский Север. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019;13(1):69–76. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/4118> (дата обращения: 01.04.2026).
10. Атаманов М.Г. О процессах исламизации и тюркизации удмуртов в середине XIX – начале XX вв. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020;14(3):476–483. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-3-476-483>
11. Пислегин Н.В., Чураков В.С. Удмурты туклинского рода в XVII – начале XX в. по данным преданий и письменных источников. *Этнографическое обозрение*. 2022;(2):101–118. URL: <https://eo.ica.ras.ru/article/22549/> (дата обращения: 01.04.2026).
12. Дмитриева Л.А. Творчество Кедр Митрея: литературные модели и жизненные стратегии: моногр. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН; 2019. 168 с. <https://elibrary.ru/heppxz>
13. Дмитриева Л.А., Зайцева Т.И. Жизнетворческие модели в произведениях удмуртского прозаика Кедр Митрея дореволюционного периода. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020;42(1):8–16. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.425>
14. Сорокин П.М. О расселении удмуртских родов. *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2007;(1):75–100. <https://elibrary.ru/pwmmxz>
15. Сорокин П.М. О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков (1895 г.). *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2014;(2):163–192. <https://elibrary.ru/rwxich>

REFERENCES

1. Kamitova A.V., Volkova T.G. Artistic Experiences of I. S. Mikheyev in Educational Practice. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015;9(1):56–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2985> (accessed 01.04.2026).
2. Kamitova A.V. Maxim Prokopyevich Prokopyev: Life and Creativity. *Historical and Cultural Heritage*. 2024;14(1):107–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.62669/30342139.2024.1.9>
3. Vasiliev I.Ye., Kamitova A.V. At the Crossroads of Traditions (Kuzebay Gerd and Russian Poetry). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2016;18(1):61–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.1.005>
4. Vasiljev I.E. Lyrics of Ashalchi Oki in the Context of Feminine Poetry of 1910-1920-s. *Ural Historical Journal*. 2012;(1):109–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/oppokb>
5. Zaytseva T.I., Petrova E.N. Military Essays by the Udmurt Writer M. P. Petrov. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(4):623–632. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-623-632>
6. Pislegin N.V., Churakov V.S. [The Udmurt Clan System: A Monography]. Izhevsk: UIHLL UB RAS; 2024. 424 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sngluw>
7. Churakov V.S. Towards to Criticism of Vorshud Theory. *Finno-Ugric Studies*. 2003;(2):3–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ugrnif>

8. Atamanov M.G. Once More about the Origin of Udmurt Vorshud. *Linguistica Uralica*. 2006;42(2):103–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2006.2.03>
9. Atamanov M.G. Elabuzhsky Settlement and Migration of the Ananyinsky Population to the Russian North. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019;13(1):69–76. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/4118> (accessed 01.04.2026).
10. Atamanov M.G. On the Process of Islamization and Turkification of the Udmurts in the Middle of the XIX – Early XX Centuries. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14(3):476–483. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-3-476-483>
11. Pislegin N.V., Churakov V.S. The Tuklia Clan Udmurts in the 17th – Early 20th Centuries According to Tales and Written Sources. *Ethnographic Review*. 2022;(2):101–118. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://eo.ica.ras.ru/article/22549/> (accessed 01.04.2026).
12. Dmitrieva L.A. [The Work of Kedra Mitrei: Literary Models and Life Strategies: A Monograph]. Izhevsk: UIHLL UB RAS; 2019. 168 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/heppxz>
13. Dmitrieva L.A., Zaitseva T.I. Life-Creation Models in the Pre-Revolutionary Works by an Udmurt Writer Kedra Mitrei. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(1):8–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.425>
14. Sorokin P.M. [On the Resettlement of Udmurt clans]. *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*. 2007;(1):75–100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwmmsz>
15. Sorokin P.M. [On Motherhood as the Basis of the Genus, on Generic Names and Marks of Ownership Among the Votyaks (1895)]. *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*. 2014;(2):163–192. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwxich>

Информация об авторах:

Пислегин Николай Викторович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (426004, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X>, SPIN-код: 3715-7483, spieg@rambler.ru

Чекмарева Екатерина Сергеевна, магистр истории, независимый исследователь (Российская Федерация, г. Владикавказ), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5388-6018>, SPIN-код: 2680-9410, rinacorre@gmail.com

Чураков Владимир Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9998-3294>, SPIN-код: 2698-8664, vermis3@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Н. В. Пислегин – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

Е. С. Чекмарева – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

В. С. Чураков – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках основных или дополнительных задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.01.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 20.05.2026.

Information about the authors:

Nikolai V. Pislegin, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS (4 Lomonosova St., Izhevsk 426004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X>, SPIN-code: 3715-7483, cpeg@rambler.ru

Ekaterina S. Chekmareva, Master of History, independent Researcher (Vladikavkaz, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5388-6018>, SPIN-code: 2680-9410, rinacorreio@gmail.com

Vladimir S. Churakov, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS (4 Lomonosova St., Izhevsk 426004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9998-3294>, SPIN-code: 2698-8664, vermis3@gmail.com

Authors' contribution:

N. V. Pislegin – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

E. S. Chekmareva – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

V. S. Churakov – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification, whether as a part of the activity or separate, of the reproducibility of results and other research outputs and other research outputs.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 19.01.2026; revised 14.05.2026; accepted 20.05.2026.